

УДК 1321. 01:323. 11(470+571)

КОНЦЕПЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ-ЕВРАЗИИ

М. Б. ЗАКИРОВ*Луганский национальный
университет
имени Тараса Шевченко*

e-mail: zmb@rambler.ru

В работе раскрывается сущность евразийской критики западничества. Определены экономические и геополитические особенности России – Евразии. Проведен анализ взглядов ведущих деятелей евразийского политического движения на проблему достижения межнационального и религиозного согласия в многонациональном государстве.

Ключевые слова: государство, народ, Россия, эмиграция, политическая теория, евразийство, национальные отношения.

На современном этапе развития постсоветских государств самым естественным образом произошла актуализация творческого наследия Российского Зарубежья. Построение новых моделей государственного, политического и общественного развития настоятельно требует внятного теоретического обоснования, опирающегося на творческое наследие наших предшественников.

Евразийство занимает особое место в общественной мысли Российского Зарубежья. Оно во многом продолжило российские политические традиции и в то же время предлагало совершенно новую трактовку истории российского государства и народа. Сегодня особая актуальность евразийского учения заключается в том, что оно детально разрабатывает геополитическую модель развития России как единого культурного, политического и экономического пространства для всех евразийских народов. Причем их выводы основываются на детальном изучении истории и анализе географических, климатических, национальных и религиозных особенностей Евразии. С этой точки зрения политологическое исследование евразийства имеет наряду с теоретической и серьезную практическую значимость.

Одной из ключевых идей евразийства является отрицание европоцентризма, традиционно популярного среди определенной части российской интеллигенции. Сторонники европейской модели отстаивают исключительную роль так называемой «старой Европы» в развитии современного мира, подают ее как пример для подражания и, таким образом, противопоставляют всем иным, априори менее совершенным моделям развития. На эту особенность указывал Н. Н. Алексеев, который характеризовал «западничество» не просто как стремление использовать западную культуру, но как отрицание самого мира собственной культуры во имя западной¹. Говоря о сущности западничества, он приводит слова морского агента Петра I Федора Салтыкова: «Российский народ такие же чувства и рассуждение имеет, как и прочие народы, только его довлеет к таким делам управлять»². А вот как управлять? Тут же дается и рецепт. В России «должно быть все, как в Англии сделано»³. Вот так вот, и ни больше и ни меньше, а «как в Англии». И ни национальные, ни культурные, ни экономические, ни географические особенности западникам не указ и не препятствие.

Эти слова деятеля петровской эпохи, по мнению Н. Н. Алексеева и есть квинтэссенцией русского западничества, в котором содержится вся его философия, теория и практика⁴. Следует отметить, что выводы мыслителя в наше время не только не утратили своей актуальности, а наполнились новым содержанием. В современной политической науке и практике постсоветских республик достаточно широко распространены многочисленные настроения и идеи, объединенные в свое время термином «западничество». Нередки призывы отбросить многовековой совместный опыт как чужеродный, отсталый,

¹ Алексеев Н. Н. Русское западничество // Путь. 1929. №15. С. 81.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

насильственно навязанный и потому неестественный. Причем противостоять этим призывам в современном мире значительно сложнее.

Современный нам Запад существенно отличается от того, каким его видел мыслитель в 20-х годах прошлого столетия. «... Никогда не было одного Запада, – пишет Н. Н. Алексеев. Западный мир состоял из нескольких малых миров, каждый из которых по-своему строил свою жизнь, как, например, мир латинский, англо-саксонский, германский... Запад католический и феодальный, Запад буржуазно-демократический, Запад пролетарский и социалистический»⁵. Наличие нескольких борющихся между собой «малых западных миров», по мнению мыслителя, раскалывало русское западничество и провоцировало борьбу сторонников различных западных начал.

Современная нам Европа многие из указанных мыслителем различий преодолела, а многие сумела завуалировать, вследствие чего и нынешние западники объединились в своем отрицании общего евразийского опыта. Однако сохранились негативные характерные западничеству черты: процессы, протекавшие в Европе органично в результате развития социальных, исторических и национальных начал, у нас превращаются в борьбу различных политических, экономических и научных групп. Реальные интересы общества, таким образом, зачастую заменяются либо клановыми интересами, либо, как писал Н. Н. Алексеев, «верой в доктрины, исповедуемые отдельными интеллигентскими группировками. Бытовое и жизненное содержание борющихся начал было заменено внутренней логикой принципов и теорий»⁶.

Эта борьба зачастую происходит в форме противопоставления по формуле «или – или». В отличие от западников евразийцы предлагают совершенно иной алгоритм взаимодействия культур. В своем учении они не противопоставляют, а стремятся объединить. Как подчеркивал П. Н. Савицкий, евразийцы стремятся дать «духовный синтез восточных и западных начал»⁷. Объединительная роль России в пределах Старого света предопределена и исторически, и географически. Основной задачей «России – Евразии», по мнению П. Н. Савицкого, является превращение в единое органическое целое всей совокупности культур Старого материка, тем самым снимается проблема противостояния Востока и Запада. «Это обстоятельство еще недостаточно осознано в наше время», – пишет философ⁸. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что это обстоятельство не осознано и сегодня. Особенно ярко этот факт прослеживается на примере Украины. На протяжении практически всей новейшей истории независимого украинского государства политическая элита Украины пытается определить вектор внешнеполитического развития. Причем борьба ведется именно вокруг понятий Восток – Запад, Азия – Европа. Мы видим явное противопоставление и немногочисленные голоса, призывающие к осознанию неразрывного евразийского единства, тонут в многоголосом хоре апологетов как европоцентризма, так и их противников.

Евразийцы подчеркивают особенность русской культуры и геополитики в одновременной и равномерной ее «обращенности» как к Востоку, так и к Западу. Отсюда вывод: «Поле зрения, охватывающее в одинаковой и полной степени весь Старый Свет, может и должно быть русским, по преимуществу полем зрения»⁹. Евразийцы предлагают свою точку зрения на географию Старого Света. По их мнению, действительное право называться «срединным государством» имеет именно Россия, а вовсе не Китай, как его традиционно называли китайские ученые. Исходя из этого положения, и Европа, и Азия в одинаковой степени представляют собой окраины Старого Света. Причем в этой системе Россия и не Европа, и не Азия, поскольку собственно Европа, с точки зрения П. Н. Савицкого – все, что лежит к западу от русской границы, а Азия – все то, что лежит к югу и юго-востоку от нее. Исходя из этого, Урал, по мнению П. Н. Савицкого, не играет той разделяющей роли, которую ему приписывает географическая «вампика». Действительно, и до, и после Урала мы наблюдаем одни и те же природные и климатические зоны, а

⁵ Алексеев Н. Н. Русское западничество // Путь. 1929. №15. С. 82.

⁶ Там же.

⁷ Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Классика геополитики, XX век. М., 2003. С. 679.

⁸ Там же. С. 680.

⁹ Там же.

соответственно вынуждены признать, что явных объективных различий между частями России нет. Таким образом, подчеркивает П. Н. Савицкий, Урал не разъединяет, а наоборот связывает «Доуральскую и Зауральскую Россию»¹⁰. Россия предстает перед нами как единое культурно-экономическое пространство, свободное от вымышленных и неестественных границ.

Выводы свои ученый обосновывает климатическими и географическими особенностями России – Евразии, которые и составляют ее геополитическое своеобразие. Бесконечные степные и лесные равнины обуславливали постоянную миграцию населения, перемешивание культур и этносов, вынуждали к обмену и хозяйственной кооперации жителей степей и лесов. В результате на территории Евразии столетиями формировалось своеобразное «братство народов», свободное от противопоставления «высших» и «низших» рас. А попытки искусственного «западничества» могут разрушить традиционное сотрудничество евразийских народов.

В то же время следует подчеркнуть, что евразийцы не были склонны идеализировать прошлое. Они прекрасно осознавали, что объединение евразийских народов и скифскими царями, и монгольскими ханами, и императорами российскими было далеко не всегда мирным. Но теперь степень экономического и культурного развития народов, их многовековое сосуществование позволяет в противовес предыдущей эпохе войн и насилия провозгласить эпоху культурного творчества и сотрудничества. Само евразийское «месторазвитие» приучает евразийские народы к общему делу, и их назначение своим примером увлечь другие народы на путь созидания нового мира, свободного от расовых, культурных или религиозных различий.

В становлении единого культурного и религиозного пространства евразийцы подчеркивали исключительную роль православия. Именно в православии истоки и содержание не только русской национальной культуры, но и культуры евразийской. И даже нехристианская часть евразийской культуры, которая лишь идет к христианству, идет именно по пути православия и к православию. Причем, подчеркивает Л. П. Карсавин: «Евразийство исходит из понимания православия, как единственной непорочной Церкви, рядом с которой католичество и протестантство определяются как разные степени еретических уклонов»¹¹.

Исходя из этого посыла, евразийцы приходят к утверждению, что православие не является всего лишь «восточной» формой христианства. Будучи религией огромного евразийского пространства, именно православие имеет право и должно быть «единственной вселенской Церковью». Однако вознесение православной церкви над всеми иными не означает отрицание других церквей, а наоборот подчеркивает и утверждает множественность самобытных культур через их иерархию, которую «венчает православная евразийско-русская». Таким образом, достижение религиозного согласия в поликонфессиональном евразийском государстве будет обеспечиваться: во-первых, иерархией церковей, ведущее место в которой будет занимать православие; во-вторых, признанием и уважением к самобытной религиозной культуре неправославных евразийских народов; и в-третьих, постепенным, исподволь, без малейшего нажима вовлечением их в общеевразийское православие, вовлечение, побуждаемое исключительно объективным экономическим, политическим и культурным единством евразийского пространства.

Следует подчеркнуть, что в своем стремлении создания культурного единства евразийцы не пытались абсолютизировать ни русскую, ни евразийскую культуры. Они их не противопоставляют, не подменяют и не развивают одну за счет другой. Говоря о «туранском элементе», о «наследии Чингизхана», евразийцы, по мнению Л. П. Карсавина, лишь расширяют старую русскую проблематику в сторону других евразийских народов. Таким образом, задачу свою евразийцы видели в переоценке традиционных представлений о цивилизационных связях и наследии. Они стремятся выделить и акцентировать свое внимание на неисследованном, на том, что либо стыдливо замалчивалось «европоцентристами», либо отменялось как чуждое или второстепенное славянофилами.

¹⁰ Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Классика геополитики, XX век. М., 2003. С 684.

¹¹ Карсавин Л. П. Ответ на статью Н. А. Бердяева об «Евразийцах» // Путь. 1926. № 2. С. 125.

Оценивая истоки российской культуры, Л. П. Карсавин подчеркивал, что евразийцы не считают античность универсальной основой человеческой культуры¹². Но в общей структуре российской культуры азиатская и античная составляющая, по их мнению, все таки преобладает над европейской. Более того, в европейском влиянии для России много вреда, в частности, это относится к коммунизму, который евразийцы, впрочем, как и многие другие представители иных политических течений эмиграции, считали исключительно европейским продуктом. И даже более того, ядом, отравившим российское общество, которое в отличие от европейского именно в силу его чужеродности, не нашло в себе соответствующего противоядия.

Одной из сложнейших задач создания единого евразийского государства является решение национального вопроса. По мнению Н. С. Трубецкого проблема гармоничного развития межнациональных отношений и достижения национального согласия в Российской империи решалась через признание принадлежности всей территории государства «единому хозяину – русскому народу, возглавляемому своим русским царем»¹³. Революции 1917 года сначала ликвидировали самодержавие, а затем и само российское государство. Построенное на его обломках советское государство за основу объединения отдельных республик взяло ряд факторов. Первым и основным фактором является общий социальный идеал – социализм. Именно общая цель построения социализма объединяет республики в одно целое. Однако, учитывая исторический опыт, следует признать, что одного этого фактора для преодоления национализма, сепаратизма и объединения явно недостаточно. В мире существует огромное количество совершенно самостоятельных и даже враждующих между собой государств, которые в принципе стремятся к одному и тому же социальному идеалу, население которых исповедует одну и ту же религию и обладает схожей культурой.

В качестве второго фактора объединения и «противоядия» против сепаратизма и национализма, по словам Н. С. Трубецкого, большевики использовали классовую ненависть и пролетарскую солидарность. Перед лицом внутренних и внешних врагов, для сохранения и защиты своей власти пролетариям всех народов СССР и необходимо объединяться в одно государство¹⁴.

Наличие постоянной угрозы позволяет практически неограниченно применять силу против противников объединения. Поскольку всякое проявление сепаратизма неизбежно ослабляет пролетарское единство перед внешней и внутренней угрозой, а проявление национализма также может рассматриваться как сепаратизм, работающий на руку буржуазии – основному врагу пролетариата. В тоже время: «честолюбие каждого народа до известной степени польщено тем, что в пределах той территории, которую он населяет, язык его признан официальным, административные и иные должности замещаются людьми из его среды, и зачастую и самая область официально называется по населяющему ее народу»¹⁵.

Далее, проводя параллель с Российской империей, Н. С. Трубецкой приходит к выводу, что в целом модель межнациональных отношений осталась прежней. В новой реальности лишь произошла замена «единого хозяина всей государственной территории», каковым ранее признавался русский народ во главе с русским царем, на пролетариат, возглавляемый коммунистической партией.

Однако это основание государственного единства не может обеспечить устойчивость государства в перспективе. С одной стороны само явление пролетариата как угнетаемого класса и соответственно классовая борьба – явление временное. Уже с победой социализма в одной отдельно взятой стране, значительная часть опасности для диктатуры пролетариата в виде внутренних классовых врагов будет изжита. В этом случае, отмечает Н. С. Трубецкой, «чтобы оправдать свое существование, центральному правительству приходится искусственно раздувать опасность, угрожающую пролетариату, приходится

¹² Там же. С. 126.

¹³ Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Евраз. хроника. Париж, 1927. Вып. 9. С. 24.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 25.

создавать объекты классовой ненависти в лице новой буржуазии с тем, чтобы натравливать пролетариат на этот класс и т. д. »¹⁶.

Это, на первый взгляд частное определение русского мыслителя, по сути оказалось не только удивительно точным отражением конкретно-исторического процесса, но и воистину пророческим. В нескольких словах вместились и тезис об усилении классовой борьбы, и партийные чистки, и уничтожение «врагов народа», и борьба с диссидентскими движениями, и преследование деятелей науки и искусства, и «холодная война», и еще многое, что, в конечном счете, предопределило и сделало возможным в течение всего нескольких лет извратить в сознании людей выстраданный несколькими поколениями социальный идеал. Позволило взорвать государство изнутри и добиться того, что люди практически единогласно выступили за разрушение с таким трудом созданного и сохраненного государства в обмен на призрачное будущее, которое для многих так и осталось призраком.

Выдающийся русский мыслитель четко обозначил и еще один недостаток коммунистической национальной политики, который в конечном итоге способствовал и возрождению национализма и развитию сепаратизма народов СССР. А именно, народы в рамках своих национальных республик свыкаются со своим новым положением, формируется национальная политическая и хозяйственная элита, которая стремится оградить себя от постороннего влияния. По мере развития общества в новых социально-экономических реалиях классовые различия стираются, и объединительная идея диктатуры пролетариата теряет свою силу. На этой почве буйным цветом расцветает и национализм, и сепаратизм. Именно по такому сценарию, подкрепленному жадной наживы, огульной критикой существующего строя и массовой пропагандой буржуазных ценностей, развивались события последних лет существования СССР.

Как уже нами отмечалось выше, работы евразийцев актуальны не только с точки зрения ценности их теоретических изысканий. Они ценны главным образом глубиной анализа фактов, исторических закономерностей и точностью прогнозов. Еще большую практическую ценность труды евразийцев приобретают с той точки зрения, что они не ограничивались лишь критикой существующих порядков. Они разрабатывали не менее аргументированные и детальные модели построения нового общества. В том числе и модели национальных отношений. С точки зрения евразийцев для сохранения единого государства на территории бывшей Российской империи необходимо наличие единого «субстрата государственности». Этот субстрат, отмечает Н. С. Трубецкой, может быть национальным или классовым.

Выше мы детально рассмотрели аргументацию мыслителя относительно жизнеспособности и стойкости государственного организма, основанного на классовом принципе. Исходя из вышеизложенного, следует обратить внимание на национальный фактор утверждения государственного единства. Интересен ход мыслей евразийцев, которые собирались утверждать единство полиэтничного государства через национальный принцип. Причем Н. С. Трубецкой настаивает: «Прочное и постоянное объединение возможно ... только при наличии этнического субстрата»¹⁷. Следует отдать должное евразийцам, которые хоть и исходили в своих планах на будущее устройство российского государства из исторических традиций, но в то же время понимали, что возврата к прошлому нет. И восстановление государственности произойдет на новом, ином уровне. Поэтому они и подчеркивали, что в новых реалиях русский народ не сможет выполнять той интегрирующей роли «хозяина всей государственной территории», которую он выполнял в Российской империи.

В качестве национального «субстрата» нового евразийского государства может и должна стать вся совокупность народов, населяющих это государство, и эта «многонациональная нация», объединенная своим общим национализмом, и станет тем самым фундаментом будущей евразийской государственности. «Эту нацию,- пишет Н. С. Трубецкой,- мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством ... Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому-то народу (или к такой-то разновидности такого-то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации. И национальная гордость этого

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм. С. 28.

гражданина должна находить удовлетворение как в том, так и в другом сознании. ... общеевразийский национализм должен явиться как бы расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех этих частных национализмов воедино»¹⁸.

На наш взгляд эта идея евразийцев не нова, и в истории известны случаи подобных попыток. В частности, синойкизм легендарного греческого героя Тесея, который пытался из разрозненных древнегреческих племен сформировать единое афинское общество. И совершенно в таком же ключе, как ни странно, действовало и политическое руководство СССР, которое трудно обвинить в использовании творческих наработок ученых эмигрантов. Но, тем не менее, «новая историческая общность – советский народ» – чем не евразийская нация? А слова знаменитой песни эпохи комсомольских ударныхстроек – «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз» звучат как лозунг евразийского национализма. Национализма, который раздвинул пределы национальных домов и улиц до масштабов всей Евразии.

Однако история учит, что путь этот очень сложный, и движение по нему сродни движению по лезвию ножа. Евразийцы прекрасно осознавали необходимость проведения широкой подготовительной работы, направленной на внедрение в сознание народов осознания общности исторических судеб, и именно эта общность, а не панславизм, панисламизм или пантуранизм должен в будущем стать скрепляющим фактором единой евразийской нации. Достичь этой цели можно только путем перевоспитания самосознания народов Евразии. А здесь, как подчеркивал Н. С. Трубецкой, непочатый край работы для философов, публицистов, поэтов, писателей, художников, музыкантов и для ученых самых различных специальностей.

Евразия, пишет Н. С. Трубецкой, – есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который нельзя распутать, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям»¹⁹. Свидетелями именно такого хода событий мир стал на переломе тысячелетий. Причем процесс отторжения еще далек от окончательного завершения, и острота поднимаемых проблем не снижается уже на протяжении четверти века.

Оригинальная оценка особенностей развития российского государства, тщательно подобранная аргументация, детальная разработка проблем религиозной, национальной и культурной жизни, удивительно точный прогноз и непосредственный выход многих тезисов евразийцев на современные проблемы подтверждает безусловную актуальность их творческого наследия. Исходя из этого, значительный интерес представляет изучение евразийской модели государственного устройства, концепции межгосударственных отношений, принципов формирования и деятельности органов власти и самоуправления.

THE CONCEPT OF GEOPOLITICAL AND NATIONAL AND CULTURAL DEVELOPMENT OF RUSSIA-EURASIA

M. B. ZAKIROV

*Luhansk Taras Shevchenko
National Univesity*

e-mail: zmb@rambler.ru

In the work it is dealt with the essence of the Eurasian criticism of Westernism. It is defined economic and geopolitical features Russia-Eurasia. It is conducted the attitudes of leading thinkers Eurasian political movement on the problem of achieving inter-ethnic and religious harmony in multi-ethnic state.

Key words : state, nation, Russia, emigration, political theory , Eurasianism , national relations.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 30.